Духовный стих о двух братьях Лазарях

(Московск. губ., деревня Садарева)

Жил себе славен и богат человек,
Он раско́чныя ества и бога́чы воскуша́л,
Дорогие наде́вы и бога́чы надевал;
Ай перед богатыми перед ворота́ми,
Ой лежал там Лазарь он весь во гною́,
Да со божьею пе́мочию со уро́дливою́.
Выходил богатой-ат сам за ворота́,
Да за ним вся вселе́нная, свы́шняя раба,
Раба; как будет богатый против Лазаря,
Да закричал Лазарь громким го́лосом:
«Милосли́вый братец мой, ты богатой человек!
Сошли мне убогому, ты брат, милостину,
А про милость Бога, брат, ты напой, накорми,
Да не я же тебе заплачу́, а Господь царь со небес,
Где бы твоей душеньке лучше бы надо быть».
А грозныим сло́вием богач отказал:
«Да лежишь ты, убог Лазарь,
Да лежишь ты яко гной,
А сме́рдныя уста яко лютый пёс.
Да зачем меня брат занаре́кл?
А да нет же, не нарекай меня братцем своим:
Есть у меня братья и тако́в, как и я сам,
Много есть у братии злата-се́ребра,
Вселе́ного имения и бога́тества тьма».
А плюнул богатый, а сам прочь отошёл:
«Я не ба́юся нико́во, а ничем ничево́».
Были у богатого а два лютые псы,
Да псы по подсто́лию да и хаживали,
А уро́нены ме́лки крошечки соби́равали,
Ко убогому Лазарю прина́шивали,
Да тем его душеньку и пропитывали,
Все скорби и болезни зализывали.
Как будет убог Лазарь сам весь изцелев,

Взирает убогой Лазарь сам на небеса́,
Сотворил молитву он божественную:
«Господи, владыка мой, Спас милосливый!
Ай выслушай, Господи, молитву мою:
А примѝ мою душеньку на хвалы́ ко себе,
Да и так моя душенька пома́елася,
Живучи душа моя и на вольныим на свету́».
Да сам Господь выслушал молитву его,
Посылает Господь святыих ангелов,
Ко убогому к Лазарю по душу по его,
Вынули из Лазаря и душу его,
Честно́ и хвально́, в саха́рныя уста,
И положили его душеньку ко Господу,
А добрую ко святому и ко Авраамию ему на зданьё[1].
А и малое времечко, всего час изгодя́,
Пришла на богатого и лютая хвороба́,
Вся большая не́мочь, зла уродливая.
Не дошёл богатой-ат и двора́ своего,
Да не звидел богатой-ат ни жены, ни детей,
Дружьёв и много братьёв — все прочь отошли,
Остался богатой-ат един во грехах,
Змолился и богатой-ат сам ко Господу,
Сотворил молитву и божественную:
«Господи и владыка мой, Спас милосливый!
Да выслушай, Господи, молитву мою:
Да прими же мою душеньку на хвалы́ ко себе!
И так моя душенька понежилася,
Живучи́-то-бывучи́ на вольном на свету́».
А сам Господь выслушал молитву его,
Ссылает Господь к нему грозныих ангелов,
Ах грозныих, страшныих, а не милосливыих,
Ко богатому Лазарю и по душу его;
Вынули из богатого и душу его,
А не честно́ не хвально́ — скрозь рёбер копьём,
Повознесли душеньку и вельмо́ высоко́,
А сверзли во ту муку во превечную:
«Вот тебе, богатой-ат, а пресветлый твой рай,
По делам по твоим а и мало тебе того».
Мучился богатой-ат день до ве́чера,

А не смо́жет богатой-ат му́ки пертерпеть,
Озри́л же богатой-ат а из муки-то в рай,
Он о́зрил богатой-ат и Абрамья во раю́,
А и подле Абрамия братца — и — Лазаря.
Как скоро-то он и завидел, громко закричал:
«Милосливой братец мой и убогой Лаза́рь!
Не памета́вай, братец мой, грубости моей,
Выступи, родимый мой, из рая ты вон,
Обмочи ты в море, брат, а мизи́нный свой перст,
Окропи́, родимый мой, сме́рдныя мои уста,
Отиши́ бы, братец мой, тепимый2 огонь,
Всию́ злую му́ку, брат, а превечную,
Ай не дай же мне, проклятому, а всему в огни сгореть».
Отвечал убогой Лазарь братцу и богачу:
Я бы рад бы я выступил: воля не моя,
Теперь не моя воля, и Бо́жеская.
Есть ли у тебя, братец мой, злато и се́ребро,
Селе́ная3 имения и бога́тества тьма?
Тем себе ты и отоши́шь тепи́мый огонь,
Всию́ злую муку, брат, а превечную». —
«А еже ты мой братец и убогой ты Лаза́рь!
При мне таперича нетути ничего,
Всё злато и се́ребро а земля пожрала,
А све́тная пла́тия всё тлен восприял,
Дружевныя братия все прочь отошли,
Остался я, братец мой, я единый во грехах». —
«Жили мы с тобою, брат, мы на вольныим свету́:
А что́ же ты, братец мой, и не восправля́л4?
Про милость про Бога, брат, ты не подавал,
И меня ты, убогого, братом не нарекал,
Нищих-убогих ни кормил, ни поил,
А вдовец и сирот, брат, ты не призирал,
Тёмныя-то темницы ты не посвещал5,
На пути на месте ты не нахождал,
А и ради ты раю и ночлегу не здавал». —
«Ай милосливый братец мой и убогой Лаза́рь!
А что же ты, братец мой, тогды мне не сказал?
Кабы знал я и ведал, а про здешнее про житьё,
Про вию́ злую муку, брат, а превечную,

А всегды бы про милость про Божию а всегды бы подавал,
А тебя я, убогого, братом нарекал,
Нищаих и убогиих кормил и поил,
А тёмныя темницы всегды бы посвещал,
На пути бы на месте всегды бы нахождал,
Да и ради бы раю ночлег бы здавал».
Скаялся и богатой-ат он не во́время,
Было и тому времечко, миновалося,
Всё его и богатство оставалося.
А где же святые Ангелы, где лики ликуют,
А и ликуют Ангели́, а не на земли́,
А и царствуют праведные и на небеси,
А во век славу и Лазареву,
Мы славу его поём,
По век на век его слава не минуется,
И вовеки веков, аминь.

(Дюдюк.)

Калеки перехожие: Сб. стихов и исслед. П. Бессонова, Москва, Ч. 1. — 1861.

1 Сдали с рук на руки.
2 Топимый, горящий; произношение вместо кипимый.
3 Вселенная.
4 Не делал по правде?
5 Не посещал.